

ИГРЫ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Признаться, наблюдаешь за деятельностью того или иного товарища и невольно приходит на ум мысль: а ведь играет человек, не работает, а играет.

Есть увлекающиеся натур, артистические. Эти — особые. Заигрываются до того, что верат в свою игру, да и окружающих пытаются вовлечь в нее. Пример? Пожалуйста.

Однажды с самого утра и до обеда пришлось нам пробыть в приемной у директора театра оперы и балета им. С. Айни А. Низамова. Тут уж над нами театральные скаплились. Мы за ними тихонько, как тени, на верхний этаж скользнули. Он! Играет! В теннис... Взамок весь — с утра попробуй вокруг стола с ракеткой. А за ним следом — балетная труппа на полупальцах, всяческие па выделяет — ну, чем не сцена из спектакля?

«Аслитдин Низамович! У нас концертмейстера нет! Вы забыли его на работу принять!». Тут он ракетку бросил: «Еще чего. Да я вам сам сыграю». И, сев за инструмент, извел из него: та-рам-па-па, та-ра-рам-па-па. Балерины умоляюще протянули к нему руки: «Два такта вступления, всего два». Он кивнул и опять сыграл свое: та-рам-па-па... Танцуйте, мол, под мою музыку!

Да что там труппа — весь коллектив театра, по его, директора, мнению, должен танцевать под его музыку. Того направо — этого налево, ту приму — эту уволю. «Возражаем!» — как-то сказали ему члены профсоюзного комитета театра. — «Возражаем против увольнения нескольких музыкантов. Нельзя так с людьми, разобратся сначала надо». «Тогда я вас разгоню!». — величественно бросил Низамов. И разогнал. Он и до этого-то не признавал ни одного самостоятельного решения профсоюзных лидеров — ни по поводу выделения кому-то машины, ни насчет распределения выделенной коллективу жилплощади. Считал: не те в комитете люди. Да и не только в профкоме.

Объявив всех кругом бездельниками и бездарностями, директор потряс театр таким количеством вызванных ревизий, что уже одно число их должно было доказать: до его прихода творилась масса беззаконий и совершенно неясно, как театр

вообще существовал. Иначе с какой стати десятки проверяющих, побросав основную работу, сидят месяцами в хрме Мельпомены и прикидывают на глаз, пробуют на зуб сценические костюмы, определяют: сколько миллиметров ткани съела моль за девять лет, а сколько могло смяться при стирке и чистке?

Таджикский государственный академический театр оперы и балета им. С. Айни в силу ряда причин утративший завоеванные прежде позиции в искусстве, переживает ныне тяжелую пору. Красноречивее всего говорит об этом свободный от зрителя зал, особенно в дни оперных спектаклей. Казалось бы, вот главная задача директора, вот поле приложения его сил и возможностей!

В свое время молодого специалиста по восточной музыке Аслитдина Низамова пригласили, и он очень быстро вознесся наверх и очутился в руководящем кресле Министерства культуры республики, из которого столь же быстро пересел в кресло директора театра. Надежды с утверждением нового директора связывались немалые: молодой, энергичный, музыкант.

Но с первых же дней, яро взявшись наводить порядок, озял надежд взял немало фальшивых нот. Он принялся нарушать Кодекс законов о труде столь безоглядно, будто это и было его целью.

«Вас не велею пускать! Директор запретил!» — объявил дежурный по проходной народному артисту республики, лауреату Госпремии Таджикской ССР им. А. Рудаки главному балетмейстеру театра Музаффару Бурханову. Тому самому, чье имя для нас неразрывно связано с именем звезды балета Малики Сабировой. Эту пару почитали за честь видеть на своей сцене театры Москвы и многих стран Европы, Америки, Юго-Восточной Азии, Африки. Но у Низамова свое мнение: «Не пускать!».

Трудно выяснить имя и цвет той кошки, что пробежала в свое время между главным балетмейстером и директором. Только директор не признавал балетмейстера: что ему чужая слава, когда своя шестист — административными крылами. На десятый день пребывания их под од-

ной крышей в устанавливавшихся правилах игры произошло короткое замыкание, которое условно обозначается: «Возражаете? Выйдите вон!». Работники прокуратуры республики, в свою очередь, возразили А. Низамову, обнаружив незаконное увольнение в нарушение КЗОТ и восстановление Бурханова в должности. Но приказ о восстановлении носил характер унижительный для главного балетмейстера и был почему-то с прицепом — строгим выговором.

Тяжесть игры, навязанной директором, ощутил в театре буквально каждый, кто собирался просто работать, а не «строить отношения» с входящим в административный шторм новым руководством. Министерство культуры республики в «творческую кухню» директора не заглядывало, полностью ему доверяя, на просьбы театра «разобраться» особо не реагировало. История с художником-постановщиком повторила до мелочей историю главного балетмейстера. З. Сабиров, с разрешения министерства работавший над оформлением спектакля на природе, сообщил о месте своего пребывания вернувшемуся с гастролей директору. Получил от него «добро». Однако тот решил, что платить за труд в комфортных условиях излишне... И отдал распоряжение. Испортившиеся затем отношения с художником закончились его сокращением — по штату. Пришлось вмешаться прокуратуре Железнодорожного района столицы.

Но мы покривим душой, утверждая, что ни в ком из коллектива оперного театра Низамов не принял участия. Оценил он способность репитора Узаковой вколачивать в буквальном смысле балетные истины в фей Терпсихоры.

«Кто такая?! — одернул он на собрании критикувавшую администрацию О. Пургаеву. — Уволю!». И уволил. Завыл, что не давал приказа о приеме на работу трудившейся в театре три месяца практикантке из ГИТИСа. Зато зачисленной на вакантное место пенсионерка Л. Беляя, не работая, получила зарплату О. Пургаевой...

Много умников спасовало, не разгадав загадку тандема: дирижер оркестра театра Л.

Яновицкий — А. Низамов. Так и клонящиеся к мысли о родстве душ. И то сказать — оба в равной степени сумели противопоставить себя коллективу. За несколько дней до спектакля «Трубадур» оркестр театра официально предупредил Министерство культуры, Республиканский комитет профсоюза о том, что не будет играть с утратившим у него уважением дирижером Яновицким, и кончилось все беспредедльным в стенах театра скандалом.

Было это в ноябре прошлого года. Коллектив просил разобраться в конфликте. «Будут играть!» — отрезал Низамов. Напрасно бойкотиремый maestro кроил палочкой воздух — музыканты не играли... Ошеломленная публика недоумевала. Завершился скандал изданием приказа, в котором 28 музыкантам объявлялись выговоры, строгие выговоры, сокращалась зарплата. Совсем недавно, 13 марта, на «Севильском цирюльнике» вновь разразился скандал. Приглашенный из Ташкента Фигаро так и не дождался за кулисами своего выхода.

Игнорирующий распоряжения зам. министра Т. Абдушукуровой А. Низамов (преврав свое пребывание на бюллетене) лично вынес на улицу щит, рекламирующий дирижера Яновицкого. И тот двинулся к дирижерскому пульту, наступая на пятки главного дирижера театра А. Ниезмамадова. Затем прозвучало соло директора с молчащим оркестром. Он предложил зрителям сдать билеты в кассу. Извинений им даже не принесли.

Может быть, более удаётся Низамову хозяйственная сторона деятельности? Он обещал министерству прибыль, провел понимаемую на свой лад реформу, сократил штаты, а финансовое положение оперного даже хуже, чем до него. Получаемые на постановку суммы в этом году увеличены, но склады театра странным образом по-прежнему пусты — нет материалов, нет красок, нет обуви. Балет стал выпархивать на сцену босиком, то есть без обязательной пальцевой обуви, а директору не до этого. У него свои игры...

Л. КОЛБИНА,
Н. КОЗЛОВА.